

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 18 (101)

Псевдо-касоги Пьянкова: опыт критического осмысления новой концепции этнической истории Северо-Западного Кавказа в хазарское время.

Продолжение, начало в выпусках 15 (98), 16 (99).

Версия Пьянкова торжествует и определяет содержание последнего академического обзора этнической истории Северо-Западного Кавказа.

В 2003 г. в свет вышел обобщающий труд «Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII вв.». Главы по Северо-Западному Кавказу написаны такими специалистами как И. О. Гавритухин, А. В. Пьянков, Е. А. Армарчук, А. В. Дмитриев. Ответственные редакторы тома – Т. И. Макарова, С. А. Плетнева. Серия издается институтом археологии РАН.

В главе 8 «Раннесредневековые древности побережья. (IV – IX вв.)» (с. 186-206) за авторством И. О. Гавритухина, А. В. Пьянкова, А. В. Дмитриева полностью отсутствует какой бы то ни было анализ или описание адыгского этногенеза.

Зато А. В. Дмитриев в выводах к параграфу «Могильник Дюрсо – эталонный па-

мятник древностей V – IX вв.» (глава 8 «Раннесредневековые древности побережья») отмечает:

«Инвентарь трупосожжений отличается от предметов из погребений предыдущих периодов. Это говорит о полной смене населения, случившейся внезапно без заметного культурного или экономического сближения предыдущего и нового населения. Могильники с трупосожжениями типа Дюрсо появляются одновременно во многих точках региона – на Мысхако, в Цемдолине, у Больших Хуторов, у Хутора Ленинский Путь, на г. Болтын, у с. Южная Озерейка. В Борисовском могильнике исследовано 11 трупосожжений в грунтовых ямах, 49 – в каменных ящиках и 8 комплексов побывавших в огне предметов. Как в Дюрсо, так и в других точках региона захоронения очень однотипны, в них много оружия, предметов конского снаряжения. Это можно объяснить только внезапным вторжением кочевого хорошо вооруженного населения. Могильники типа четвертого периода Дюрсо с

VIII - X вв.

таким же набором инвентаря хорошо известны на Северском Донце и в Предкавказье – у аула Казазово, станицы Молдавановской и др. Причем часто их сходство можно считать абсолютным. Эти памятники объединяют не только обряд погребения, общие типы оружия и конского снаряжения, но и находки двухконьковых подвесок, что позволяет связывать эти погребения с угорским этническим компонентом». (Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV – XIII вв. М.: «Наука», 2003. С. 205).

Итак, согласно академическому труду от института РАН на черноморском побережье Кавказа и в западном секторе Закубанья в IV – IX вв. не существовало адыгского населения, не существовала широко известная в письменных источниках Зихия, но на ее месте была угры-венгры!

«Полная смена населения». Весь наш материал посвящен доказательству того, что не было не то что полной смены населения, но не было частичной смены населения – даже на очень ограниченных участках территории Зихии (Касогии). Вообще, надо еще раз заметить, что полная смена населения – явление, не характерное для Хазарского каганата, правящая верхушка которого не стремилась аннексировать территории, но довольствовалась установлением даннической зависимости. Основная масса хазар проживала в относительно небольшом районе Нижнего Поволжья. У хазарского правительства попросту не было таких ресурсов, чтобы изгнать зихов с их земель и на их место заселять неких мифических касогов-тюрок или, как у Дмитриева, угров.

Наконец, возможна ли смена населения в лесу? Зихия или Касогия – сплошной лес. Какой характер должны были носить военные операции хазар на Северо-Западном Кавказе, чтобы уничтожить здесь зихское население? И, если такой сценарий имел место, то,

как мы можем объяснить, что зихи, потерявшие почти все свои исконные земли, расселились хуторами, без каких бы то ни было укреплений, на открытых местах – в VIII – IX вв., т. е. в пик хазарско-касожско-тюркской агрессии? О таком стабильном и уверенном в себе характере жизни пишет В. Б. Ковалевская: «Большинство поселений представлено неукрепленными селищами, возникшими как в V – VII, так и в VIII – IX вв. Занимали они надпойменные террасы притоков Кубани и плато недалеко от речек, впадающих в море». (Ковалевская В. Б. Западное Предкавказье // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: «Наука», 1981. С. 91).

Глава 9 «Памятники Северо-Восточного Причерноморья X – XIII вв.» (с. 207 – 226) написана Е. А. Армарчук и А. В. Дмитриевым. Здесь, в историографическом очерке, написанном Армарчук, мы впервые обнаруживаем слова адыги и черкесы в весьма символическом пассаже:

«Первое и единственное обобщение средневекового археологического материала черноморского побережья от Тамани до Гагр содержится в цикле статей Е. П. Алексеевой, которые, несмотря на их достоинства (историографический обзор, перечень и картографирование археологических памятников), естественно, требуют сейчас серьезной корректировки. К последней, кроме хронологическо-классификационных и прочих уточнений, относится недопустимость переноса современных и позднесредневековых этнонимов «адыги» и «черкесы» на этносы средневекового времени (до середины XIII в.), которые в письменных источниках упомянуты под названиями: «зихи», «касоги», «папаги» и др.». (Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья... С. 209).

Интересно, а допустимо ли рассматривать вопросы этнического развития адыгов, вопросы этнокультурной преемственности позднесредневекового населения в отношении раннесредневекового населения Северо-Западного Кавказа?

Наверное, уважаемая Е. А. Армарчук согласится с нами, что такая задача вполне логична и допустима. Но как же нам изучать эти вопросы, если нельзя употреблять такие слова как адыги и черкесы? Если зихи XIV в. происходят от зихов XIII века, то разве таковые не являются адыгами (черкесами)?

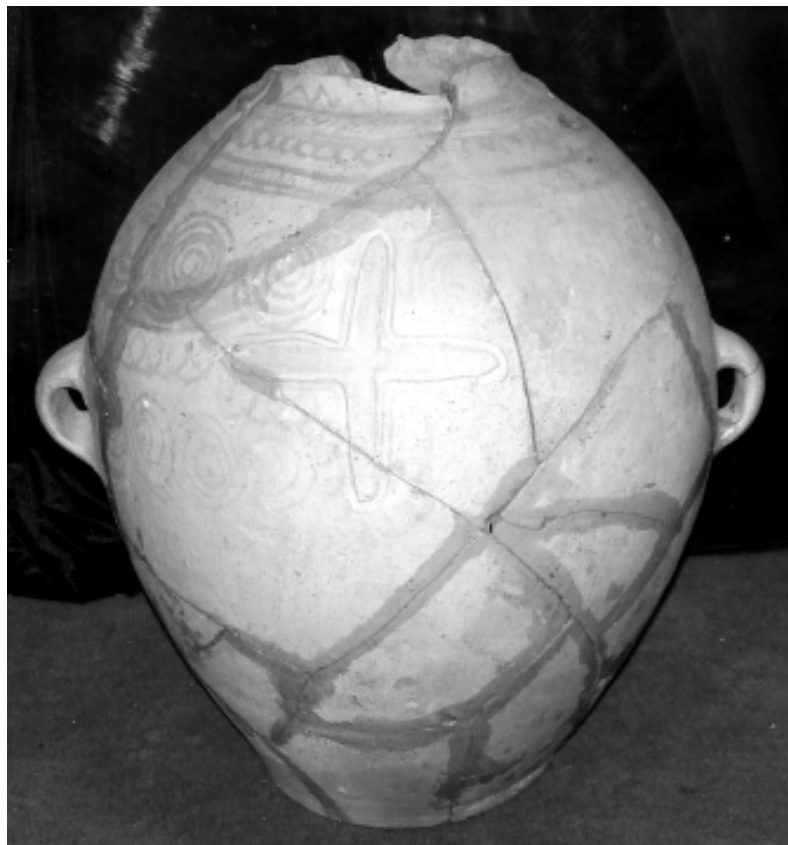
И, если допустимо пользоваться такими этнонимами как зихи и касоги, то, как можно объяснить, что таковые упомянуты вскользь целых 2 раза и без всякой связи с описываемыми археологическими памятниками Северо-Восточного Причерноморья в главе 8, написанной ее коллегами и соавторами по тому?

Наконец, хочется обратить внимание Е. А. Армарчук на главы того самого труда, на страницах которого она запрещает пользоваться терминами адыги и черкесы в описании раннего средневековья на С.-З. Кавказе. Советуем ей внимательно перечитать главу 10 «Грузия в эпоху раннего средневековья (IV – VIII вв.)».

Написав, в соавторстве с А. В. Дмитриевым целую главу, призванную обобщить исследовательский материал и дать обзор этнической и культурной истории региона Северо-Восточного Причерноморья в X – XIII вв., Армарчук так и не произнесла ни разу разрешенного ею к употреблению термина зихи и названия области, заселенной зихами – Зихии.

В заключительном параграфе «Некоторые вопросы этнической истории» Армарчук, вне какой бы то ни было связи с зихами и, тем более, адыгами, делает вывод о касожской принадлежности кремационных погребений. (Там же. С. 225).

Погребения с конем она уверенно отнесла к кочевническим-половецким, видимо, исходя из штампа о том, что местной культуре таковые не свойственны. Но что есть такое местная культура в изложении как Армарчук, так и всей группы авторов этого тома, понять совершенно невозможно. Местная культура зачеркнута полностью в главе 8, а в главе 9 она так и не появи-

Урна погребальная с крестом, обожженная глина, VIII – IX вв., Псекупский могильник. Раскопки Н. Г. Ловпаче. НМРА.

АДЫГСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

В 2003 г. указав на недопустимость использовать термины адыги и черкесы для описания исторических процессов на Северо-Западном Кавказе до середины XIII в., Е. А. Армарчук сохранила приверженность этой отнюдь не бесспорной установке в своей монографии 2006 г., посвященной конской упряжи из могильников Северо-Западного Кавказа. (Армарчук Е. А. Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X – XIII ввек. М.: ИА РАН, 2006. 226 с.). Как следствие, Армарчук впервые упоминает о существовании даже не адыгов, а неких «прото-адыгских групп» на предпоследней (108-й) странице своего обстоятельного труда.

Как же автор действительно важной научной работы, подводившей определенный итог многолетним исследованиям, создает текст по истории Северо-Западного Кавказа без использования термина адыги (а также других связанных с ним терминов – черкесы, зихи, касоги)?

Во введении, которое названо «Краткий историографический обзор» (с. 3 – 6) адыги (и все другие этнические наименования с ними связанные) не упомянуты ни разу. В главе 1-й «Характеристика источников, вопросы хронологии» (с. 7 – 13) также адыги не упомянуты ни в каком виде ни разу. Зато есть такие определения как: «местное население» и «здешняя культура». Было бы легче, если бы автор сразу дала понять, кого она собственно имеет в виду. Слово «местное население» употреблено в не менее знаменитом наборе слов: «всадническая группировка среди местного населения», из чего, видимо, надо понять, что местное население не могло себе позволить иметь свое собственное воинское сословие, а к нему постоянно кто-то внедрял всаднические группировки. Но и внедрять-то в изучаемое время некому, поскольку Хазарского каганата уже нет, а Золотой Орды еще нет. В этой же главе (с. 12) употребляется очередной «неологизм»: «домонгольская культура Западного Закубанья».

В главе 2 «Изделия из черного металла» (с. 14 – 56) также нет адыгов и всяческих «протоадыгов». Упоминаются половецкие погребения в Прикубанье и в Восточном Закубанье XII – XIV вв. (с. 21, 23). Автор уверенно и мы не сомневаемся, что достаточно корректно оперирует многочисленными аналогиями с самых удаленных территорий – Венгрия, Урал, Сибирь, Поволжье и Русь. Упоминаются десятки названий археологических культур и этносов.

В главе 3 «Изделия из цветных металлов и сплавов» (с. 57 – 93) терминологический состав также весьма и весьма богат и разнообразен, но уже привычно обходится без того самого запрещенного слова.

ласть. Сплошные напластования пришельцев, венгров и половцев.

Единственная похвалка, сделанная по адресу «местной культуры» группой уважаемых авторов, состоит в их согласии с выводами Е. Б. Ковалевской: «К специфическим для рассматриваемого региона формам можно отнести лишь гарнитуры из Дюрсо, Борисово и Бжида, украшенные накладками с прорезями, образующими «личину». В. Б. Ковалевская справедливо оценила их как специфически кавказские, при этом считала этот мотив исходным для формирования ряда восточноевропейских стилей [Ковалевская В. Б. 1995. С. 59 – 64]. В настоящее время можно утверждать, что рассматриваемые гарнитуры связаны с регионом от Новороссии до Туапсе. Судя по составу комплексов, их следует оценивать как одну из локальных модификаций, возникших около середины VII в.». (Крым, Северо-Восточное Причерноморье... С. 192). Напомним, что Е. Б. Ковалевская не просто «справедливо оценила их как специфически кавказские», а указала на их зихское (адыгское) происхождение, используя в своем анализе материалы адыгского языка.

Среди специфически при-

сущих населению Зихии V – VII вв. предметов вооружения авторы отмечают кинжалы с вырезами у основания лезвия: «М. Б. Щукиным высказано мнение о предназначении таких клинков для особой техники фехтования. По нашему мнению, они являлись частью древкового оружия. Как бы то ни было, очевидно, что в данном случае своеобразие клинка является отражением специфического, а, следовательно, требующего особых навыков вида оружия. Оно появляется на Северном Кавказе в позднее римское время, распространяется на ряде памятников Крыма, у некоторых групп Черняховской культуры и сармат, в гуннское время оно известно и на Среднем Дунае. Но в VI

– VII вв. такое оружие встречено лишь на памятниках в треугольнике между Нижней Кубанью и Туапсе». (Крым, Северо-Восточное Причерноморье... С. 192).

«Ареал поздних находок с вырезом представляется не случайным. – Добавляют И. О. Гавритухин и А. В. Пьянков. – Ту же зону распространения имеют фибулы VI – VII вв. с трубчатым или загнутым полукругом приемником, часто с «крышечкой» на его конце, а в V в. – крупные двучленные прогнутые подвзятые фибулы с широким кольцом для оси пружины и трапециевидной ножкой, часто украшенные гравировкой. Показательны и локальные формы фибул с пятиугольной головной пластиной. Объединяют памятники указанного «треугольника» некоторые формы керамики, например, сероглиняные миски с ребристым S-видным профилем, приземистые горшочки с зауженным горлом, некоторые типы кувшинов. Существующие материалы не дают оснований однозначно считать эти соответствия показателями единой археологической культуры, а тем более одного народа. Не менее вероятным представляется предположение о традиционных связях разных групп населения, в каких-то случаях имеющих близких предков, в других – разносторонние соседские связи и т. д.». (Там же. С. 192 – 193).

«Рассматриваемые памятники объединяет и ряд типов вещей, имеющих более широкие ареалы. Зеркала с задней петлей, украшенные параллельными краем ободками, известные в Крыму и у сармат с позднеримского времени, на памятниках «треугольника» между Нижней Кубанью и Туапсе являются единственным типом в комплексах середины V – VI вв.». (Там же. С. 193).

«По сведениям письменных источников в районе Туапсе в раннем средневековье локализируются зихи, причем как по сообщению Псевдо-Арриана, так и из сопоставления с данными римских авторов очевидно, что область этого народа или племенного союза около V в. существенно расширилась за счет вытеснения или поглощения других этнокультурных групп [Анфимов Н. В. 1980. С. 110 – 111]. Прослеженная динамика эволюции древностей Туапсинского

района вполне соответствует этой картине». (Там же. С. 194).

Это наблюдение о связи зихов с могильником Бжид и с районом Туапсе сделано в параграфе «Могильники V – VII вв.». Вполне очевидно, что рост территории зихов уже к VI в. завершился тем, что Зихия стала целевой этнокультурной областью, занимавшей тот самый «треугольник», о котором пишут неоднократно авторы этого труда. Псевдо-Арриан – важный, но далеко не единственный источник, на основании которого можно проиллюстрировать рост Зихии. Но наши авторы предпочитают не замечать очевидной связи с зихами могильников Дюрсо, Борисов и др.

Тем не менее, мы должны признать как высокую научную значимость рассматриваемого труда, так и то обстоятельство, что наблюдения авторов представляют для нас огромную важность. Они позволяют нам в значительной степени корректировать собственные представления по этнической и политической истории адыгов.

Так, нельзя не отметить следующее наблюдение Армарчук, которое добавляет новый штрих в картину связей Черкесии и султаната мамлюков: «... иногда вместо них (глиняных сосудов. – Прим. С. Х.) в могилах у ног или справа у бедра покойников находились стеклянные сосуды. Это стаканы с воронковидно вогнутым дном, прямыми раструсобразно расширяющимися к устью стенками и эмалевой с золотом росписью в виде мелких рыбок, дельфинчиков, птиц и бордюров с арабскими или псевдоэпиграфическими надписями. Такие стаканы изготавливались в Сирии и Месопотамии в XIII – XIV вв. и мамлюкском Египте в XIII – XIV вв. и были распространены на черноморском побережье от Анапы до Абхазии. Благодаря традиционному наличию в ящичных погребениях северной части побережья, они играют роль их «визитной карточки», особенно в XIV – начале XV в.». (Там же. С. 223).

Историографический обзор П. С. Успенского.

П. С. Успенский в 2012 г. подвел предварительные итоги исследования кремационных погребений С.-З. Кавказа VIII – XIII вв. В первую очередь, он констатиру-

ет, что ареал распространения обряда «не выходит за пределы современного Краснодарского края». Но детальное описание ареала, которое делает Успенский, весьма наглядно показывает нам, что речь идет о коренной адыгской территории в западных и центральных районах Закубанья: «На севере ареал кремаций ограничен левым берегом р. Кубань, на юге – р. Нечепсухо, на юго-западе – берегом Черного моря, на северо-западе кремационные могильники дальше современного г. Анапы неизвестны». (Успенский П. С. Некоторые итоги и перспективы изучения кремационных погребений Северо-Западного Кавказа VIII – XIII вв. // Краткие сообщения института археологии. Выпуск 226. М., 2012. С. 189).

Уже этот факт полного наложения обряда на исторический адыгский ареал говорит о многом: например, о том, что в случае иноэтничного происхождения Анапа и течение Кубани никак не могли быть границами распространения кремаций. Что это за мифические пришельцы из степи, которые не живут в степи вокруг адыгов, а живут исключительно среди адыгов. Все, что мы знаем о контактах адыгов и степняков за все века, говорит нам, что такой характер отношений просто невозможен. Скифы и меоты, сарматы и меоты, булгары и зихи, ногайцы и черкесы. Всегда полно примеров кочевнических погребений по периметру адыгских владений, хотя, разумеется, всегда какие-то небольшие группы кочевников поселились прямо среди адыгов. И всегда это расселение нового этноса из Степи по соседству с местными земледельцами имеет очевидное археологическое измерение.

Впрочем, П. С. Успенский никак не развил собственное ценное наблюдение, но сразу постарался размыть его ничего не значащим в данном контексте словосочетанием Краснодарский край.

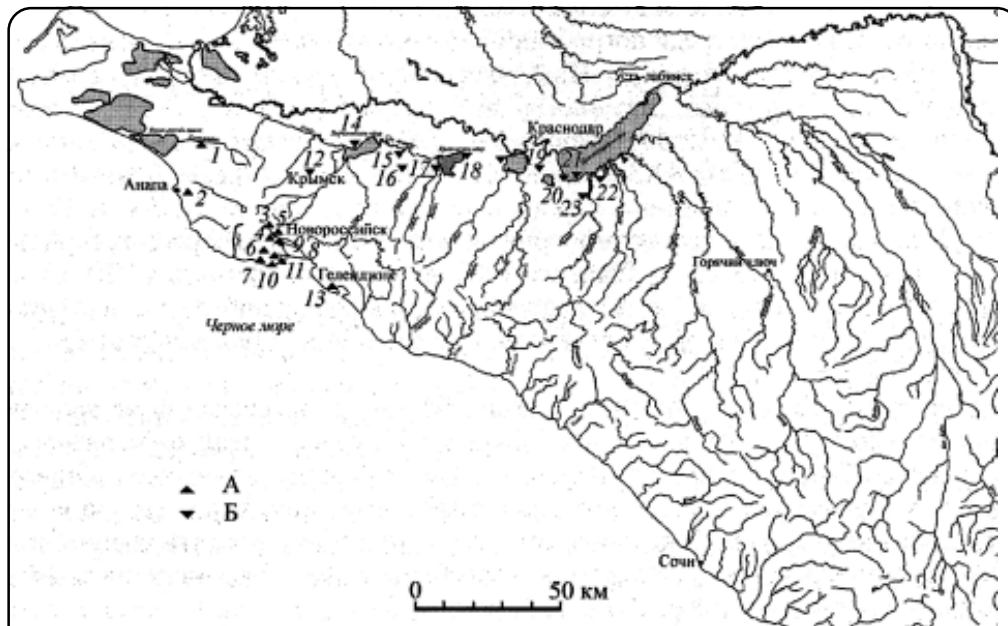
Помимо совпадения ареала кремаций с адыгскими землями, стоит обратить внимание на тот факт, что данный обряд не фиксируется раньше на закубанской равнине, а потом приходит на побережье. Он начинается одновременно на побережье и на северной равнине. Опять-таки внимательному и стороннему наблюдателю сразу становится понятно, что речь не может идти о пришельцах, но только об автохтонной этнической среде.

Успенский отмечает, что «в научной литературе принято разделять кремации на две большие территориальные группы – закубанскую и северо-восточнопричерноморскую (Армарчук, 2003. С. 22 – 225)». Непонятно совершенно, что это дало в плане понимания природы кремационного обряда Зихии (Черкесии), но весьма показательным, что дальнейший анализ пространства кремаций, по мнению Успенского,

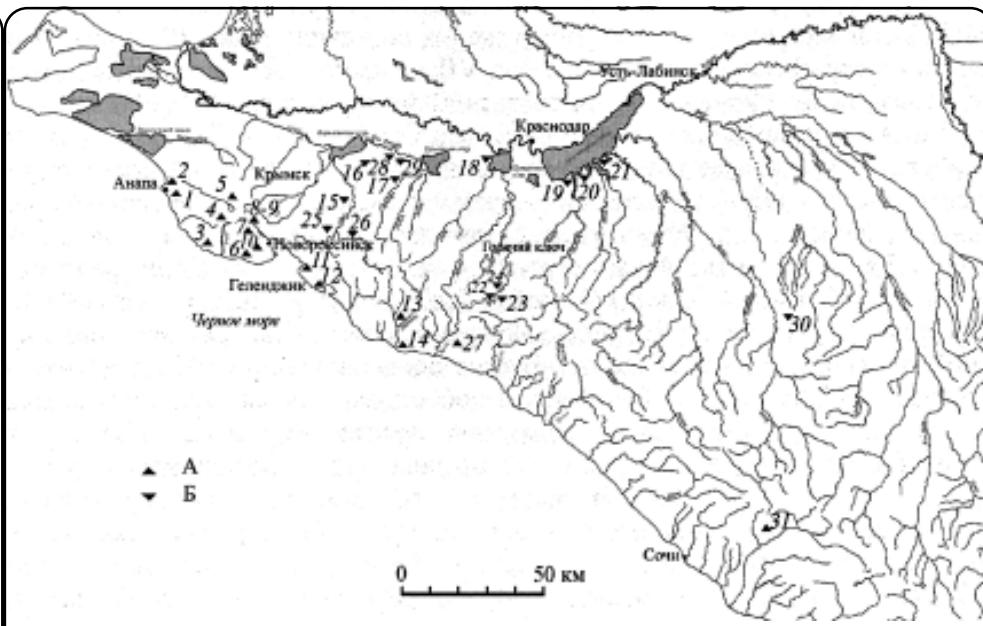

Типичная зихская поясная гарнитура. Ленинхальбский могильник, VI век, находка А. Това, 1985. НАРА.

ОБЗОР УСПЕНСКОГО

Территория распространения могильников с трупосожжениями в VIII – IX вв. См.: Успенский П. С. Некоторые итоги... С. 190.

Территория распространения могильников с трупосожжениями в X – XIII вв. См.: Успенский П. С. Некоторые итоги... С. 191.

необходимо развивать в направлении определения еще более дробных «территориальных групп».

Странно, что, с одной стороны, исследователь не видит исторического черкесского пространства, а, с другой стороны, предлагает дробить это цельное с географической и исторической точек зрения относительно небольшое пространство.

Затем, ничего не сделав для понимания пространства кремационного обряда, Успенский решил подытожить периодизацию этой культурной традиции. Вслед за Пьянковым, Дмитриевым и Армарчук, он выделяет два больших периода – VIII – IX вв. («кремации хазарского времени») и XI – XIII вв. («кремации домонгольского времени»). (Там же. С. 189). Это, что называется, внешние хронологические реперы. Но не стоит, как мы уверены, забывать о том, что превалирующее значение имеет внутреннее содержание, то есть местное культурное развитие. Ни для хазар, ни для монголов кремации не характерны, а, значит, нет никакой необходимости называть таким образом эти большие периоды в истории Зихии (Черкесии), тем более, для характеристики одного из погребальных обрядов ее населения.

Есть одна большая историческая и этнографическая эпоха в истории Северо-Западного Кавказа – зихская (V – XIII вв.). Это время формирования большого зихского пространства, его усиления и превращения в единое этническое и культурное пространство, неразрывно связанные с процессом адыгского этногенеза. Эта, почти тысячелетняя, эпоха имеет внутреннюю периодизацию, для понимания которой очень важны археологические данные.

Для развития наших представлений о Зихии большое значение имеет изучение ее контактов с Хазарией. Но одного хазарского влияния недостаточно для понимания зихской истории. Наверное, не менее важным было влияние Византии, которое обнимает всю отмеченную нами эпоху

и связано, в первую очередь, с распространением христианства в Зихии.

Историографический обзор проблемы, предпринятый Успенским, в целом, носит объективный характер, но все-таки оставляет впечатление, что автор склонен к популяризаторству аргументации Пьянкова, Дмитриева, Тарабанова, мнения которых он рассматривает детально, а альтернативные мнения – схематично.

Успенский упоминает о статье Н. Аксеновой 2007 г., помещенной в болгарском сборнике, в которой автор высказалась «в пользу кубанского происхождения кремационного обряда, аргументируя такую точку зрения существованием здесь трупосожжений в хронологической группе III – IV вв. и группы кремационных погребений в могильнике Дюрсо, датирующихся временем раньше VIII в.» (Там же. С. 191; статья Аксеновой пока осталась для нас недоступной: Аксенова Н. Этническая принадлежность погребений по обряду кремации в среде салтово-маяцкой культуры (на примере биртуальных могильников) // Проблеми на Първабългарската история и култура. София, 2007).

Отметим, что Аксенова ставит вопрос об этнической принадлежности кремаций, а в пересказе Успенского получается, что она сделала вывод о «кубанском происхождении». Что это за этнос – кубанцы?

Так же коротко Успенский упоминает о том, что многолетний исследователь памятников салтовской культуры Северского Донца В. С. Аксенов указал «на более раннее время появления кремаций на Северо-Западном Кавказе – вторую половину VII – середину VIII в.» (Там же. С. 191).

Тут же Успенский скептически оценивает выводы этих исследователей, но, что важно, не отрицает полностью их наблюдения:

«Кремационные погребения III – начала VII в. встречаются единично; в частности, в могильнике Бжид 1 трупосожжения составили всего 10% от всех погребений второй

половины III – начала VII в., кроме того, на этом памятнике исследовано еще 6 урновых трупосожжений датирующихся XII в. Однако, рассматривая связь «ранних» кремаций с погребениями типа Дюрсо, не следует полностью отрицать ее существование, поскольку разница в обряде вполне естественна, т. к. обряд развивался во времени, испытывая новые влияния». (Там же. С. 192).

Кроме того, здесь принципиально важен сам факт существования практики кремаций в дохазарское время. Тот факт, что только на одном могильнике Бжид 1 кремационные захоронения дохазарского времени составляют 10 %, говорит как раз в пользу правоты В. С. Аксенова и Н. Аксеновой. Для процесса зарождения обряда это достаточно большой показатель. И, действительно, прав Успенский, когда подчеркивает, что не стоит абсолютизировать различия внутри кремационного обряда, поскольку речь идет о большом историческом периоде, когда представления местного населения успевали претерпеть определенные изменения.

Заметим, что кремации III в. – это еще античная эпоха, для С.-З. Кавказа в том числе, в Прикубанье доминируют меоты, а в степях – ираноязычные аланы; кремации V в. – осуществлялись на фоне смены эпох, на фоне усиления зихов в регионе, в степях доминируют тюркские кочевники; кремации VI в. – в условиях большой Зихии и интенсивного внедрения христианства; кремации VIII в. – в условиях развивающегося феодализма, уже давно укоренившегося христианства в давно существующей Зихии, это период раннего средневековья в истории Средиземноморья и Европы.

Далее Успенский признает очень важное обстоятельство: что на эталонном кремационном могильнике Дюрсо, наиболее древние захоронения которого его исследователь В. А. Дмитриев (убежденный сторонник тюрко-угорского происхождения обряда) датирует серединой VIII в.,

существуют кремационные погребения VII в.: «Не исключено, что первые трупосожжения типа Дюрсо могли появиться в конце VII в., к таковым предположительно относятся некоторые погребения из могильников 8-я Щель, Южная Озерейка. Небольшая группа трупосожжений из некрополя Дюрсо, расположенная севернее основной зоны расположения кремаций, только приблизительно датируется последней третью VII в. Однако четко обоснованных данных, подтверждающих это, нет, а предметы, датировка которых не выходит за рамки VII в., вполне могли попасть в погребение и в более позднее время. Большинство трупосожжений могильника Дюрсо, относящиеся к его 4 хронологическому горизонту, датируются VIII – IX вв., об этом свидетельствует набор погребального инвентаря, а также находка византийского солида Льва III и Константина Копронима (720 – 740 гг.)». (Там же. С. 192).

Одним из главных сторонников тюркской или угорской принадлежности кремационного обряда, с опорой на исследование погребений могильника Дюрсо, является А. В. Дмитриев. Успенский справедливо отмечает, что «версия А. В. Дмитриева о происхождении трупосожжений могильника Дюрсо аргументирована недостаточно. Не следует исключать возможность культурного влияния на местное население, учитывая тот факт, что обряд кремации умерших был основным на рассматриваемой территории вплоть до XIII в.» (Там же. С. 193).

Успенский наметил перспективное направление в исследовании кремаций С.-З. Кавказа: «Учитывая обычай применять различные вариации обряда для разных социальных групп, актуальным является изучение социальной стратификации погребальных комплексов». (Там же. С. 194).

Успенский выделяет совместное исследование Пьянкова и Тарабанова 2008 г., в котором «на основе сравнения погребального обряда и инвентаря исследователи выдвинули предположение об об-

щем происхождении населения, оставившего кремационные могильники» С.-З. Кавказа и Северского Донца. «На сходство двух групп кремационных погребений, – пишет далее Успенский, – указывают прямые аналогии материалам из захоронений типа Дюрсо в памятниках Северского Донца, поэтому в настоящее время выводы А. В. Пьянкова и В. А. Тарабанова поддержаны многими исследователями (Аксенов, Тортика, 2001. С. 201; Армарчук, 2003. С. 224). Несомненным достоинством данной работы является привлечение исследователями наиболее полного количества материалов из могильников с трупосожжениями. Однако необходимо выяснить, какого характера связи существовали между этими группами населения. Действительно ли это этнокультурная общность, или сходство отражает культурно-хронологическую общность разных этнических групп?». (Там же. С. 194).

Каким образом Аксенов, Тортика и Армарчук в 2001 – 2003 гг. могли поддержать взгляды Пьянкова и Тарабанова 2008 г., остается непонятно. Видимо, это простое упущение Успенского. Но дело не в этой незначительной погрешности. Взгляды Пьянкова и Тарабанова хорошо иллюстрирует их совместная статья 1998 г. (Пьянков А. В., Тарабанов В. А. Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Древности Кубани. Вып. 13. Краснодар, 1998. С. 18 – 32). Ее положения и произвели впечатление не на многих, как пишет Успенский, но на отдельных специалистов.

Но вот упомянутый им Аксенов как-раз не разделяет эти взгляды в наиболее их существенной части: он согласен с тем, что наблюдается общность, но он склонен объяснять эту похожесть тем, что кремационный обряд был привнесен в Сухую Гомольшу касогами. (Аксенов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII – первой половины X вв. Подонья (по материалам Сухой

КОВАЛЕВСКАЯ О ДЮРСО

гомольшанского могильника салтовской культуры) // Хазарский альманах. Т. 3. Киев – Харьков, 2004. С. 5). При этом, Аксенов совершенно не склонен воспринять мнение Пьянкова о касогах как о тюрках и для него они по-прежнему адыги. (Бубенок О. Б., Аксенов В. С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. Киев – Харьков, 2006. С. 115). Более подробно о взглядах Аксенова мы расскажем ниже по тексту.

Странно, что эти весьма важные и обстоятельные наблюдения исследователей кремационных могильников Северского Донца не нашли отражение в историографическом обзоре Успенского. Не только Аксенов, но и такой признанный исследователь салтовских памятников как Д. Т. Березовец считал возможным возводить кремации Сухой Гомольши к адыго-абхазскому населению С.-З. Кавказа. (Березовец Д. Т. Про ім'я носіїв салтівської культури // Археологія. 1970. Т. XXIV. С. 59 – 74; Березовец Д. Т. Русы в Поднепровье (доклад на XIV конференции института археологии АН УССР) // Полтавський археологічний збірник 1999 р. Полтава, 1999. С. 333 – 350).

Особенно странно, что в обзор Успенского не вошла последняя статья В. Б. Ковалевской о могильнике Дюрсо. Тем более, что эта статья никак не могла не попасть в орбиту его внимания: она опубликована в том же выпуске КСИА, что и статья М. В. Добровольской, на которую он ссылается.

А, между тем, он был просто обязан рассмотреть выводы Ковалевской, поскольку они в корне противоречат наблюдениям А. В. Дмитриева и А. В. Пьянкова.

Главное утверждение В. Б. Ковалевской состоит в том, что не было ни перерыва в использовании могильного поля Дюрсо, ни какой бы то ни было резкой смены населения. Могильник был основан готами-тетракситами в середине V в. и непрерывно функционировал вплоть до IX в. Гипотетические угры или тюрки Дмитриева в VIII в. не нарушили никоим образом не только покоя первых готских вождей, но даже не покусились на пустующие сакральные пространства клановых скоплений могил, пустоши вокруг богатых погребений вождей. Ясно также, что готское население в VI – VII вв. ассимилировалось среди зихов и кремационные погребения VIII в. принадлежали потомкам этого готско-зихского смешения, воспринимавшим себя уже исконными зихами.

Анализ Ковалевской построен вокруг пространственного и временного расположения двух наиболее богатых и обособленно расположенных погребений (NN 300 и 500), вокруг которых как бы улицами располагались прочие погребения: «Наличие этих двух вза-

имнопересекающихся «улиц», ведущих к самому богатому и самому раннему погребению вождя [N 300] и находящемуся на одной линии с ним на пустой «площади» конскому погребению, возможно, каким-то образом маркирует сакральный центр самой ранней части могильника. Немаловажно то, что в V–VI вв. эти проходы не были использованы. Пустыми они оказались и в более позднее время, притом, что могильное поле использовалось достаточно активно.

Далее нам важно проверить, наблюдается ли нечто подобное в концентрации погребений вокруг п. 500 и 479. Первым делом следует отметить, что в непосредственной близости от богатого парного погребения 500, в 6–10 м к юго-западу, находятся два погребения предшествующего этапа, одновременных п. 300...

Интересно, что между погребением 300 и погребением 298 и 483 меридионально протянулась на всем протяжении не заполненная погребениями полоса. В поперечнике она в северной части имеет около 7 м, а ближе к захоронению коня, связанному с п. 300, – 20–26 м...

Тем интереснее, что обширное не заполненное могилами пространство в непосредственной близости от выделенной группы погребений в большой степени оставалось незаполненным в позднейшее время [так называемое хазарское время или VIII – IX вв. – Прим. С. Х.], что означает или наличие каких-то наземных ограничивающих знаков, или сохранение в памяти населения знания о нежелательности (а возможно, и запрете) использования этих участков в качестве могильного поля.

Погребение 500... окружено опять-таки треугольником, отстоя от одновременных ему п. 517, 507, 506, 374, 314 и 490 на 10–22 м и занимая площадь около 200 квадратных метров, т. е. примерно соответствующую площади вокруг п. 300. ...

С северной, восточной и южной сторон выделенной площади выделяется не заполненное погребениями пространство в виде «улиц», выводящих на север за пределы могильника (ширина 12 м, длина почти 40 м от п. 490). Ряды погребений с севера и юга ограничена «улицы», выводящая на юго-восток за пределы могильника, протяжением 30 м, при ширине 8 м. Эта «улица» имеет в центре, в месте пересечения с северной «улицей», конское погребение (как было и около п. 300) и уходит, сохраняя те же направление и ширину (8 м), на запад, со слабым отклонением на север, за пределы могильника.

Опять, как в случае с п. 300, погребение «вождя» и конское захоронение оказываются на пересечении улиц, являясь значимым, очевидно, так или иначе маркированным,

центром в северной части могильника. Это могло быть земляное или деревянное сооружение, не дошедшее до нас и, очевидно, существовавшее не только во время использования могильника в ранний период, но и позже...

Именно к этому клану тяготеют погребения III этапа [VIII – IX вв. – Прим. С. Х.], создающие полукольцо, которое окружает погребения I–II/III этапов... Интерес в плане поставленного А. В. Дмитриевым вопроса о перерыве в использовании могильника в середине VI в. и о возможной смене населения (Дмитриев, 2003. С. 205) представляет тот факт, что большие, не заполненные могилами пространства, конфигурация и направление которых были рассмотрены нами в связи с группировками погребений вокруг п. 300, 500, 420 и 479, сохранились в более позднее время и были нарушены очень незначительно. Это означает, что память о сложившейся в V – первой половине VI в. структуре могильного поля сохранялась и в более позднее время». (Ковалевская В. Б. Компьютерный анализ планиграфии раннесредневекового могильника Дюрсо на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 224. С. 223 – 225).

Таким образом, население Дюрсо VIII – IX вв. сохраняло культурную, ритуальную преемственность в отношении предшествующего населения.

Кремационные погребения в ареале салтово-маяцкой культуры (Северский Донец и Дон): проблемы атрибуции.

Представим несколько больших цитат из исследований видного специалиста по салтово-маяцкой культуре В. С. Аксенова:

«Соотнесение же, в последнее время, кремаций Кубани с касогами [Пьянков 2001, 117-120] позволяет предположить наличие предшественников данного этноса в Подонцовье. Тем более, что здесь концентрируются городища с каменными стенами и катакомбные могильники, связываемые большинством исследователей с аланским населением салтовской культуры – «ясами» [Афанасьев 1993]. Расположение «касогов» и «ясов» в непосредственной близости друг от друга отмечается большинством средневековых письменных источников. В то же время, еще в 1972 г. С. А. Плетнева заметила, что кремационные погребения на могильниках салтово-маяцкой культуры могут быть дифференцированы и иметь разную этническую принадлежность [Плетнева 1972, 114-115]». (Аксенов В. С. Об этнической неоднородности кремаций VIII – первой половины X вв. Подонцовья (по материалам Сухогомольшанского могильника салтовской культуры) // Хазарский альманах. Т. 3. Киев – Харьков, 2004. С. 5).

«Исследователь Сухогомольшанского могильника В. К. Михеев первоначально связы-

вал население, оставившее могильник, с угорскими племенами [Михеев 1982, 166]. Со временем он изменил свою точку зрения, видя в носителях данного обряда в салтовском обществе представителей поздненепеньковского (славянского в своей основе) населения [Михеев 1991, 44]. Славянскую принадлежность носителей данного обряда в салтовской среде отстаивает В. В. Седов [Седов 2002, 266]. Это мнение первоначально разделял и Г. Е. Афанасьев [Афанасьев 1987, 153]. Позже он предложил искать носителей кремационного обряда салтовского времени Подонья в адыго-абхазской среде [Афанасьев 2001, 53]». (Там же. С. 6).

«Из абхазско-адыгских племен Западного Кавказа выводил носителей обряда кремации в Подонцовье салтовского времени Д. Т. Березовец [Березовец 1970, 60; Березовец 1999, 330]».

«Кремационные погребения Кубано-Черноморского района отличаются от захоронений Сухогомольшанского могильника и то, что погребальный инвентарь присутствует в большинстве кремаций кубано-черноморского района второй половины VIII – первой половины X вв. [Дмитриев 2003, 203-205; Саханев 1914; Тарабанов 1992; Тарабанов 1999]. Процент же безынвентарных захоронений Сухогомольшанского некрополя достаточно высок. На могильнике Сухая Гомольша к разряду безынвентарных относится 36,1 % безурновых и 41 % урновых захоронений». (Там же. С. 18).

«В целом же могильник Сухая Гомольша, по сравнению с кремациями VIII – IX вв. Прикубанья, дает достаточно низкий процент захоронений воинов-всадников, тогда как предметы вооружения и конского снаряжения встречены почти в трети кремаций могильников типа Дюрсо. Отличает могильник Сухая Гомольша от кремационных некрополей Прикубанья отсутствие отдельных конских захоронений, тогда как захоронения коней обнаружены на некоторых кремационных могильниках Кубано-Черноморского региона [Гавритухин, Пьянков 2003, 195]». (Там же. С. 18).

Аксенов отмечает, что Сухую Гомольшу с кремациями С.-З. Кавказа сближает обнаружение конских начельников. (Там же. С. 19-20). Они в значительном числе обнаруживаются в зихских (касожских) захоронениях, а также в аланских могильниках Центрального Кавказа. В Подонцовье в кремационных и катакомбных погребениях, соотносимых с касогами и ясами, соответственно. Интересно, что ни в «курганах с ровиками», которые считаются типичными хазарскими погребениями, ни в грунтовых трупоположениях, относимых к булгарам, конские начельники не обнаружены ни разу. (Там же. С. 20).

В. С. Аксенов подчерки-

вает, что в регионе С.-З. Кавказа кремации, близкие сухогомольшанским, появляются раньше, чем в Подонцовье – во второй половине VII – начале VIII в. Такая периодизация кремационных «салтовских» погребений исключает, что в Зихию данный обряд был привнесен переселенцами из ареала салтовской культуры.

Материал и выводы статьи В. С. Аксенова практически без существенных изменений или дополнений вошли в состав совместного большого труда о могильнике Сухая Гомольша, созданного им в соавторстве с археологом, который открыл и на протяжении многих лет изучал этот памятник – В. К. Михеевым. (Аксенов В. С., Михеев В. К. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. «Сухогомольшанский могильник VIII – X вв.» // Хазарский альманах. Т. 5. Киев – Харьков, 2006. 306 с. Публикация исследования занимает весь том. Глава «О происхождении и этнической принадлежности погребенных в могильнике Сухая Гомольша» воспроизводит все основные наблюдения цитированной нами статьи В. С. Аксенова).

Согласно В. К. Михееву и В. С. Аксенову, самые ранние погребения Сухой Гомольши могут быть датированы, по элементам поясной гарнитуры, серединой – третьей четвертью VIII в. (Там же. С. 163).

Дополним этот взгляд предположением, что касожское население было поселено в Подонье в качестве военных колонистов каганом хазар. Это именно адыгский воинский контингент, поскольку кремации совершенно не характерны для хазар. Все самое передовое и эффективное в оружии и доспехах адыгские воины могли заимствовать у кочевых воинов достаточно оперативно. Расселены касоги в Сухой Гомольше были в серьезно укрепленном городище с каменными стенами, что лишний раз подчеркивает их зависимость от кагана и службу ему в качестве пограничной стражи.

Версия Пьянкова о касогах-тюрках не находит поддержки в совместной статье О. Б. Бубенка и В. С. Аксенова, в которой исследователи вполне вероятно перемещение касогов с их родной территории в Подонье, но для них касоги равны адыгам. (Бубенок О. Б., Аксенов В. С. Кто обитал в Сухой Гомольше в хазарское время? // Хазарский альманах. Т. 8. Киев – Харьков, 2006. С. 115).

Как видим, запутанная и противоречивая версия о касогах-тюрках находит понимание далеко не у всех специалистов.

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.